

**Мария Вячеславовна ПОПКО
(Оломоуц)**

Языковой образ-концепт УКРАИНА в современных русскоязычных СМИ

The Linguistic Image-Concept of Ukraine in Contemporary Russian-Speaking Media

The article attempts to outline the specific fragments of the linguistic image-concept of Ukraine represented in contemporary Russian media. There is made a study of some semantic groups in the concept structure as well as of their pragmatic, semantic and onomasiological specificity of the ratio of informative, emotive and expressive component of names. Here there are investigated the semantic conversions of units serving to form a complete image-concept of Ukraine and Ukrainian reality in the minds of Russian readers as well as the certain new names which arose as a result of the Euromaidan events. The study is based on the material of the Russian-speaking Internet publications, blogs and forums, representing the Eastern Slavic informational space.

Key words: linguistic image-concept; Russian-speaking media; publicistic functions; informativeness; means of verbalization of the image-concept of Ukraine; semantic conversions; neologism

Современные СМИ — мощный инструмент распространения информации, формирования общественного сознания и влияния на общественное мнение. Средства массовой информации мгновенно реагируют на все, что происходит в мире, сообщают читателям о политических, экономических, культурных событиях, способствуют социализации, являются важным фактором формирования мировоззрения личности и ценностных ориентаций общества, выражая в различной форме отношение к происходящему. Язык СМИ называют особым языком социального взаимодействия [VOLODINA 2008, 27–47] и определяют как отдельный подстиль публицистического стиля, которым,

собственно, и пользуется периодика, радио, телевидение, реклама [STY-ŠOV 2003, 22]. Его особенностям посвящены многочисленные исследования, коллективные монографии, диссертационные работы [см. VOLODINA 2008; SOLGANIK 2012; KARAULOV 2001, 15–18; KUDRJAVCEVA 2004, 61–65; POPOVA 2006; PRISJAŽNJUK, NAZAROVA 2012, 106–109; ŠEJGAL 2000], однако и сегодня множество вопросов, затронутых в них, требуют углубленного изучения и осмысления.

Для публицистического стиля, как известно, характерно сочетание и взаимодействие двух тенденций — тенденции к экспрессивности и тенденции к стандарту, что обусловлено функциями, выполняемыми публицистикой, среди которых — информационно-содержательная, с одной стороны, и функция убеждения, эмоционального воздействия, с другой. Информативность, логика изложения и экспрессивность должны быть взаимно уравновешены и гармонизированы, ведь публицистика имеет своей целью одновременно воздействовать на реципиентов, информировать и вызывать эмоции, побуждая их к оценке происходящего. СМИ определяют наши представления о мире, отношение к нему и одновременно отражают языковую картину мира каждого общества. Поэтому ученых давно волнует вопрос: как и какими средствами в публицистике формируются отдельные языковые образы-концепты, как они могут влиять на формирование общественного сознания определенного лингвокультурного сообщества.

1201

Для обозначения фрагментов языковой картины мира ученые используют разные термины: *концепт*, *языковой образ*, *языковой образ-концепт*. Наиболее частотным в употреблении является термин *языковой образ*. Рассмотрим значение терминов *образ* и *концепт*. Во-первых, образ — это прямой «отпечаток» действительности, который мы получаем в результате восприятия разнообразными органами чувств, а концепт — это обобщенный, отвлеченный отпечаток, обусловленный умственной деятельностью; во-вторых, образ — это неделимое отображение целостного, а концепт — это расчлененное отображение специального как части общего, отображение характеристик сущности предмета [TACENKO 2008, 107]. Как составляющая картины мира, языковой образ отображает реальность в сознании человека сквозь призму языковых и культурно-национальных особенностей, присущих определенному языковому коллективу. В свою очередь, концепты — это «сгустки» национально-культурных смыслов, изучение которых помогает выявить специфику мировосприятия народа, представить концептуальную и национальную картину мира [PIMENOVA 2004, 44].

Если концепт — «все, что индивид знает, предполагает, думает о реалии окружающей действительности» [PIŠČAL'NIKOVA 2003, 7], то языковой образ — это объективация посредством языка (языковых знаков и их комбинаций) знаний, представлений, мнений об этой

реалии. Когда мы говорим о языковом образе какого-либо предмета или явления действительности, то имеем в виду языковое воплощение смысловой универсалии (ментальной сущности) — концепта. Как видим, термины *концепт* и *языковой образ* не являются синонимичными, поскольку обозначаемые ими понятия не отождествляются, а лишь пересекаются, так как одной из основных характеристик концепта является способность ментальной сущности отображаться в языке. Можно сказать, что понятие «концепт» вбирает в себя понятие «языковой образ». В свою очередь, говоря о языковом образе, мы имеем в виду отображение в языке смысловой универсалии, зафиксированной в сознании человека, следовательно, в понятии «языковой образ» имплицитно утверждение существования ментальной сущности как объекта концептуализации (категоризации), процесс и результаты которой и отображаются в языке [НИКИТИНА 2011, 97–99]. В связи с этим исследователи и предлагают использовать сложный термин *языковой образ-концепт*, определяя его как отображенную в языке культурно и психологически детерминированную ментальную сущность.

Итак, *языковой образ-концепт* — многоэлементный, комплексный фрагмент — частичная концептосфера языковой картины мира, включающая не только рациональные, но и эмотивные, образные, оценочные элементы, имеющая системный статус идеографического пространства [ЛОВКОВА 2005, 6, 20]. В настоящем исследовании будем оперировать именно этим термином.

Абсолютно очевидным есть кардинальное изменение образа Украины и украинцев в СМИ, в частности, и русскоязычных, в связи с событиями Евромайдана 2014 и дальнейшей эскалацией ситуации внутри государства и на его границах. Украина впервые со времен независимости оказалась в центре внимания международных СМИ на такое длительное время. 2014 год стал своеобразным рубежом в восприятии Украины и формировании ее образа в сознании других народов. Цель настоящего исследования — определить, какие языковые средства являются инструментом, создающим языковой образ-концепт Украины в русскоязычных СМИ, какие семантические преобразования сопровождают в новом общественно-политическом и культурном контексте уже известные в языке слова и выражения, какие новые наименования возникают в связи с появлением новых реалий и событий, как взаимодействует в текстах СМИ информативный и эмотивный вектор влияния на читателя. Объект анализа исследован на материале современных русскоязычных СМИ (российских, украинских, белорусских и др.) интернет-изданий, ссылки на которые приводятся в тексте статьи.

В идеографическом пространстве наименований, воссоздающих языковой образ-концепт современной обьятной пламенем войны и раздираемой противоречиями Украины, громко заявившей о себе

на весь мир, мы выделили несколько семантических групп, которые и станут объектом дальнейшего анализа.

Семантическая группа номинативных единиц «Украина как геополитическая реалья»

Для определения и идентификации Украины как отдельного государства на карте Европы, а также для обозначений отдельных ее регионов в публицистических текстах традиционно используются топонимы *Восточная Украина, Западная Украина, Юго-восточная Украина, Юго-восток, центральные области Украины, Крым* и др., однако в контексте современной ситуации в стране они приобретают несколько иное звучание. Если раньше это были элементы ее административного деления, привычные для граждан Украины главным образом в ежедневных прогнозах погоды, то сегодня такие наименования воспринимаются как разделительная линия между т.н. материковой Украиной и восставшим, сопротивляющимся официальной политике властей Юго-Востоком (*Восставший Юго-Восток — потерянное достояние бывшей Украины* (Ruspravda.info, 25.8. 2015)). Этот регион связывается со средоточием политических противоречий, породивших в самом центре Европы огонь войны, что не может не вызывать обеспокоенности мировой общественности (*Власти США крайне обеспокоены резко увеличившимися атаками комбинированных российских и сепаратистских сил через линию прекращения огня на Восточной Украине* (Kommersant.ru, 18.8. 2015); *На восток Украины нужно отправить международные силы* (Izvestia.ru, 22.5. 2015)), с проблемами беженцев (*Дополнительные бюджетные средства ФМС потребовались в первую очередь на пункты временного размещения, в которых уже около полутора лет живут приезжие с юго-востока Украины* (Kommersant.ru, 17.8. 2015)), с проблемами украинской армии, обнаружившими себя на 24-м году независимости, и необходимостью укрепления ее обороноспособности (*Многофункциональные военные учения Saber Guardian/Rapid Trident 2015 пройдут 20–31 июля на Яворовском полигоне во Львовской области на западной Украине* (Kommersant.ru, 20.7. 2015), с катастрофической гуманитарной ситуацией, вызванной военными действиями на Юго-Востоке (*Две автоколонны МЧС России с гуманитарной помощью для жителей юго-востока Украины пересекли государственную границу и следуют к местам разгрузки в Донецкой и Луганской областях* (Izvestia.ru, 26.3. 2015)) и просто с насильственным разрывом дружественных отношений между двумя соседними народами, ведь раньше культурные контакты с Россией охватывали все, в том числе и западные области Украины, наиболее приверженные национальной идее и ценностям Евросоюза (*До начала боевых*

действий в Россию в основном ехали приезжие из **центральных областей Украины**, из Харькова и даже с **запада** страны (Kommersant.ru, 17. 8. 2015).

После присоединения Крыма к России на страницах русскоязычной прессы мы все чаще сталкиваемся с переосмыслением географических границ Украины: авторы и цитируемые ими лица настаивают, что Крым — это территория, которая всегда принадлежала России, а теперь просто вернулась в ее состав (Путин: **Крым — это исконно русская земля, а Севастополь — русский город** (Bragazeta.ru, 18. 3. 2014), *В сердце, в сознании людей Крым всегда был и остается неотъемлемой частью России* (Bragazeta.ru, 18. 3. 2014)) на правах нового субъекта Федерации (*Важно принять дополнительные меры по ликвидации международных связей и ресурсной базы террористов, перекрыть им каналы въезда и выезда из России, не дать возможность перемещаться по регионам, в том числе проникать в новые субъекты Федерации — в Крым и Севастополь* (Izvestia.ru, 26. 3. 2015).

Мы видим, как с помощью топонимов *Крым*, *Севастополь* и сопутствующих им атрибутов *русский*, *российский* (**Российский Крым** (Vesti.ru, 26. 8. 2015); *Европейцы приехали в русский Крым. Оккупантов там не обнаружили* (Facenews.ua, 23. 8. 2015); *Великий русский город Севастополь, Русский Севастополь* (ИноСМИ.Ru, 24. 6. 2014), *Севастополь — русский город!* (Politikus.ru, 1. 2. 2015) в общественном сознании происходит переосмысление географических границ Украины. При этом сама Украина настаивает на украинском статусе Крыма и на разных уровнях требует его возврата: **Крым — украинская земля, его вернут наши дети или внуки...** (Nbnews.com.ua, 30. 12. 2014); **Крым — Украинская Земля! Хотят ли жители Крыма вернуться в Украину?** (ВКонтакте.com, 13. 10. 2015).

Как видим, приведенные топонимы выполняют не только номинативно-идентифицирующую функцию, называя территориальные объекты, они также служат идеологизации и политизации сообщения. Так, особо частое употребление и противопоставление топонимов *Восток*, *Запад*, *Юг*, *Крым* и т. п., а главное — жителей этих территорий в контексте сложившейся ситуации, указывают на то, что Украина не столь однородная и единая страна, какой ее часто считают или хотят видеть.

Конфронтация Запада и Востока Украины после первых президентских выборов, противостояние западных, центральных, северных областей Украины и Востока после начала боевых действий на Донбассе, неприязнь материковой Украины к Крыму после проведенного там референдума, — все эти политические, социальные, культурные реалии, безусловно, отражаются в языке. Топонимы получают «новое звучание», расширяют свой семантический потенциал за счет политических и идеологических наслоений, внесенных в их смысловое поле в силу сложившихся обстоятельств, представляя читателю всю трагичность и противоречивость ситуации, царящей в расколотовой и разобщенной Украине.

Особое место в этой группе языковых единиц принадлежит топонимологизмам окказионального характера *Луганда* и *Донбабве* — образным экспрессивно-оценочным наименованиям Луганской и Донецкой областей, которые сегодня часто используются как псевдотопонимические названия этих территорий Восточной Украины. Каждый из такого рода топонимов образован способом словосложения (объединение в одну производную единицу двух компонентов разных топонимов, создающих новое окказиональное целое с ярко выраженным оценочным значением): *Луганда* — *Луганск* + *Уганда* и *Донбабве* — *Донбасс* + *Зимбабве*. Как известно, Уганда и Зимбабве — республики Африки, которые считаются экономически слабо развитыми, с чрезвычайно низким уровнем жизни, а следовательно, стереотипизируются как нечто крайне отсталое и неспособное к развитию. По ассоциативному принципу признаки и характеристики этих стран переносятся на украинскую почву и сравниваются противниками федерализации Украины с самопровозглашенными ЛНР (Луганская Народная Республика) и ДНР (Донецкая народная республика). В этом случае основная семантическая доминанта «отсталый, неразвитый, бедный» актуализируется и транспонируется не только на обозначение экономической бедности и низкого уровня развития регионов, инфраструктура которых практически уничтожена войной, но и моральной, духовной ограниченности их жителей. Поскольку псевдотопонимы *Луганда* и *Донбабве* являются лексемами экспрессивными, с ярко выраженной сниженной коннотацией, в текстах они обычно имеют ироническую либо саркастическую окраску (*Это наша земля, а не Луганда или Донбабве. Здесь террористы не будут гулять, как у себя дома, — комбат Донбасса* (Sensor.net.ua, 3. 6. 2014)); *Луганда и Донбабве* — печальная украинская реальность (Uainfo.org, 18. 6. 2014); *Донбасс и Луганск или Донбабве и Луганда? Судьба территорий, освобожденных от сепаратистов.* (Svoboda.org, 8. 7. 2014).

Семантическая группа номинативных единиц «Украина как независимое государство»

Свидетельством того, что Украина в русскоязычных СМИ представлена как независимое государство, есть активное использование общих наименований (апеллятивов) *государство, украинское государство, страна* в контекстах, отражающих напряженные, конфликтные, а порой и откровенно враждебные отношения между двумя соседними государствами (*Многие депутаты из правящей коалиции выступают против децентрализации, которая способствует реализации планов Москвы по подрыву украинского государства* (Kommersant.ru, 20. 8. 2015), *Генеральная прокуратура Украины 31 июля внесла апелляционную*

жалобу на решение хозяйственного суда Киева от 23 июля, которым отказано в удовлетворении прокурорского иска в интересах государства в лице украинского правительства к НАК «Нафтогаз Украины» и ОАО «Газпром» о признании недействительными заключенных в 2009 году в Москве договоров купли-продажи природного газа (Kommersant.ru, 11.8.2015). Однако во многих анализируемых текстах не обнаруживаем отрицательно-критической оценки новейших украинских преобразований, напротив, люди очень тепло высказываются об Украине как стране, ее людях, культуре, языке (*Мне нравится Украина: ее люди, просторы, культура, язык — они сделали меня чище, свободнее, богаче. Я люблю эту страну* (Izvestia.ru, 22.5.2015)).

Тем не менее, в оценках политических и общественных изменений в Украине как государстве русскоязычные СМИ крайне резки: *В самом центре фашистской Украины Ленин вернулся на свой постамент. В городе Семеновка Черниговской области коммунисты отреставрировали и установили в центре памятник Ленину, который был разбит в прошлом году озверевшими сторонниками майдана* (Moscow Every Day, 27.8.2015); *«Бандеровская» Украина без патриарха Кирилла* (Новости России 2, 28.7.2015); *Жидо-бандеровская Украина — угроза всему миру* (ИноСМИ, 6.1.2014); *Нам не нужна майданутая Украина!* (Professional.ru, 22.2.2014).

В текстах русскоязычных СМИ встречаем не только утвердительное определение Украины как безусловно самостоятельного и независимого государства, но и наименования с подтекстом сомнения в перспективах ее государственного статуса: *Кто похоронил единую независимую Украину?* (Svpressa.ru, 16.4.2014); *Самостийная Украина: истоки предательства* (А. Гливаковский. Название книги. Royallib.com); *«Самостийная Украина» подала в суд на Кучму* (Korrespondent.net, 13.10.2014). Украина как независимая страна существует, развивается и борется за свою дальнейшую судьбу, однако в контексте политических и экономических проблем ее государственность все же находится под угрозой.

[25]

Семантическая группа номинативных единиц «Украина как зона боевых действий»

К сожалению, Украина сейчас находится в состоянии войны, борьбы за суверенитет и будущее. Война стала частью жизни, призмой мировоззрения украинцев, что отразилось на переполненности информации и комментариев об Украине военной лексикой. Обыденными для современного украинца стали названия военных действий — *война, агрессия, атака, боевое действие* и т.п. Война в текстах русскоязычных СМИ

признается то внутренним, то внешним конфликтом, то антитеррорристической операцией, то боевыми действиями, то агрессией (*Разрушается жизнь, надежды, целый мир человека. Мы привыкаем к жестокости, к крови, к состоянию внутренней войны* (Kommersant.ru, 22. 8. 2015), *Выступление президента Порошенко изобиловало новой риторикой: вместо аббревиатуры АТО он говорил о «боевых действиях на востоке Украины» и напрямую обвинял Россию в «разжигании агрессии»* (Kommersant.ru, 24. 8. 2015)).

Особую актуальность приобрело понятие *информационная война*. Уже известное в языке наименование трансформируется и расширяет свое значение через сочетаемость с другими лексемами, превращаясь в *информационную войну/атаку/зачистку/блокаду*, где *война* обозначает не просто военный конфликт, а использование и управление информацией с целью получения конкурентоспособного преимущества над противником, каковым оказывается братский народ. К сожалению, поток дезинформации и предвзятой, однобокой оценки событий льется с обеих противоборствующих сторон (*В информационной войне может победить тот, кто дает более достоверную и убедительную картину мира. Сейчас ни одна из сторон такой картины не представляет, поэтому доверие к масс-медиа везде падает* (Kommersant.ru, 24. 8. 2015), отнюдь не способствуя всенародному единению и примирению украинцев (*Однако в условиях войны — как минимум, информационной — между Россией и Украиной быть русским украинцем, кажется, невозможно* (Izvestia.ru, 22. 5. 2015), *Россия проиграла информационную войну на темах языка и любви жителей Крыма к РФ* (Nbnews.com.ua, 7. 9. 2013), *В Крыму сейчас идет информационная война и Украина не принимает в ней участие* (Nbnews.com.ua, 11. 3. 2014), *Идет масштабная информационная война* (Izvestia.ru, 20. 4. 2015)). Расширение смыслового диапазона данных языковых единиц происходит еще и потому, что в случае с Украиной информационная война как бескровное, но агрессивное противостояние происходит на фоне войны реальной, ценой которой становятся тысячи человеческих жизней.

Семантическая группа номинативных единиц «Украина ↔ украинский народ»

В контексте современной политической ситуации, по данным русскоязычных СМИ, постоянно пополняется группа наименований лиц, так или иначе причастных к развитию событий в Украине: *террористы, сепаратисты, боевики, бандеровцы, бардерлоги, правосеки, титущки, колорады, укропы, диванные войска* и под. Особое место в украинском контексте принадлежит смысловому преобразованию слова *терро-*

рист¹, ставшего уже привычным обозначением участника вооруженного конфликта со стороны самопровозглашенных республик ЛНР и ДНР (ср. *Террористы на Донбассе ведут радиоэлектронную борьбу против сил АТО* (24tv.ua/ru, 24.4. 2015); *Российские террористы на Донбассе несут огромные потери* (Kyiv.osp-ua.info, 15.1. 2015), однако иностранные политики и СМИ предпочитают иное их определение — *сепаратисты, боевики, ополченцы*: «Мы считаем, что самолет МН17 был сбит ракетой „земля-воздух“, выпущенной с территории, которую контролировали *сепаратисты*», — заявил в четверг госсекретарь США Джон Керри (Kommersant.ru, 17.7. 2015); В немецких СМИ раскручивается тема о переброске *ополченцев* Донбасса в Сирию (News-front.info, 15.9. 2015).

Новое звучание приобрело в свете событий в Украине и слово *бандеровец* — изначально название членов Организации украинских националистов, которую с 1940-го по 1959-й год возглавлял Степан Бандера. В послевоенное время бандеровцы как сторонники национальной идеи были известны карательными акциями (2 млн русских в Крыму были бы вырезаны «*бандеровцами*» (Kommersant.ru, 15.6. 2015)). Однако сегодня *бандеровцы* — это активисты Майдана и им сочувствующие национально сознательные граждане Украины. Также название украинских националистов, а также жителей западных областей Украины. Противоречивое отношение к ним в обществе отражается и в текстах русскоязычных СМИ (14 октября в Одессе *бандеровцы* намерены снести памятники Пушкину и Екатерине II (Ruspravda.info, 14.10. 2014); ШОК!!! *Бандеровцы* в Одессе кричали «Русские, горите!» (Oplot.info, 28.5. 2014); «*Злые бандеровцы*» оказали первую помощь участнице сепаратистского митинга (Odessa-life.od.ua, 27.8. 2015); «*Бандеровцы*»-кулинары наступают: в Одессе открыли еще один вкусный «филиал» Львова (o48.ua, 5.6. 2015).

1271

От украинского словосочетания *свідомий українець* «сознательный приверженец национальной идеи» образован неологизм *свидомит*, который засвидетельствован языком СМИ: *Свидомиты* майданутые (Экспресс-газета.ru, 3.6. 2013). Переосмысление созвучного с именем С. Бандеры наименования *бандерлог(и)* (*бандар-логи* — вымышленный обезьяний народ из «Книги джунглей» Р. Кипплинга, а также советского мультфильма «Маугли»; позже трансформировалось в *бандерлоги*) как наименования сторонников и продолжателей идей С. Бандеры привело к семантическому расширению в уже существующего в языке слова: *Вадим Зайдман: Бандера и бандерлоги* (Argumentua.com, 16.3. 2015);

1 Ср. *террор* 1. Угроза физической расправы с кем-н. по политическим или иным мотивам, а также сама такая расправа. *Террорист* 1. Участник или сторонник террора (в 1-м знач.) [KRY SIN 2008].

«**Бандерлоги**» с ядерной гранатой. Боевикам Майдана поручили охранять атомные станции Украины (СвободнаяПресса, 13. 10. 2015).

Язык русскоязычных СМИ отражает и иные новые наименования лиц, возникшие в результате противостояния на Майдане: неологизм **титущки** — собирательное название наемников, криминальных элементов, молодых людей, в частности спортсменов, которые использовались украинской властью для применения физической силы и участия в массовых стычках на Майдане; образован от фамилии спортсмена Вадима Титушки, одного из таких наемников, который участвовал в столкновениях с мирными демонстрантами и избиении журналистов (*Кто и как превращает спортивных парней в «титущек» — «забойщиков» митингов оппозиции...* (Novayagazeta.ru, 19. 01. 2015).

Противостояние в ориентации украинцев на Украину или на Россию отражают и следующие новые лексемы. С одной стороны, **колорады и ватники** — презрительно-оскорбительное наименование пророссийских активистов на Украине, носящих оранжево-черные, называемые Георгиевскими, ленты (которые в сознании их оппонентов ассоциировались с окрасом колорадского жука), и непритязательных в одежде и быту, с другой — **укропы**, производное от слогана «Україна — це Європа» уничижительное наименование проевропейски ориентированных патриотов Украины (*А вы как думали, в сказку попали, товарищи колорады?* (Antikor.com.ua, 3. 5. 2015), *За что мы, колорады и ватники, не переносим укропов?* (Ruspravda.info, 28. 8. 2015); *Колорады vs Укропы. Какие слова подарили Украине Майдан и война* (Korrespondent.net, 6. 7. 2014)².

Языковой образ-концепт УКРАИНА, рожденный Майданом, был бы неполным без дальнейших новых наименований групп лиц. Остановимся, прежде всего, на **Небесной сотне**, собирательном наименовании патриотов, которые погибли в результате событий на Майдане. Оно возникло в результате реактуализации и онимизации историзма *сотня* (на Украине в 16–18 ст. административно-территориальная и военная единица, составная часть полка): *Как погибала Небесная Сотня: история бесстрашия* (Life.obozrevatel.com, 2. 2. 2015). Однако вместе с активными участниками Майдана существовали тысячи других, которые вели свои бои в виртуальном пространстве — Интернете, опровергая ложную информацию, публикуя фото и видеоматериалы с мест боевых действий и т. д., фактически «сидя на диване», названные собирательно и изначально с положительной коннотацией **диванная сотня** (*У нас есть такая «диванная сотня»*). Сейчас очень многие украинские артисты

[28]

² Заметим, что слово *укроп* было переосмыслено и трансформировано в наименование общественно-политической организации — УКРОП — Украинское объединение патриотов, символом которого стало соцветие укропа.

выступили в Кремле и «диванная сотня» их уничтожила (Деро.ua, 25.6.2014)), однако позже это наименование изменяет свои смысловые границы по линии значения прилагательного *диванный* (ср. *диванный теоретик, диванная психология, диванное мышление, диванный генерал* и т. п.) и приобретает негативные коннотации (*Порошенко об атаке на Марьинку: «диванная сотня» играла на руку Кремля* (Деро.ua, 4.6.2015), где выражение *диванная сотня* закавычено и обозначает безынициативных и бездарных генералов и командиров — руководителей АТО на востоке Украины).

Семантическая группа номинативных единиц с компонентом «Майдан»

Майдан — массовое, неформальное народно-освободительное движение в Украине против антинародного режима и за общественный контроль над властью, берущее свое начало с конца 2004 года. Урбаноним *Майдан* происходит от названия главной площади Киева (Майдан Незалежності), где проходили уже упомянутые протестные акции. Позже, после революционных событий ноября 2013 года, эта лексическая единица расширяет свое первоначальное значение (*Евромайдан*) и используется для обозначения массовых протестов в Украине, которые начались 21 ноября 2013 как реакция на решение Кабинета Министров Украины о приостановлении процесса подготовки к подписанию Соглашения об ассоциации между Украиной и Евросоюзом (*Информагентства сообщают о митингах на Майдане Независимости в Киеве и в центрах других городов Украины в поддержку евроинтеграции, так называемый Евромайдан* (Ostannipodii.com/ru, 21.2.2014); *Адвокаты просили вынести оправдательный приговор, а сами подсудимые призвали слушателей «повторить Евромайдан»* (Kommersant.ru, 25.8.2015). Далее возникают и активно транслируются СМИ новообразования *Автомайдан, Антимайдан* (Напомним, что, по данным силовиков, режиссер Олег Сенцов являлся активистом движения «Автомайдан» и организатором антироссийских действий в Симферополе (Kommersant.ru, 25.8.2015); *Заседание было инициировано Михаилом Прохоровым после участия колонны «Гражданской платформы» в шествии «Антимайдан»* (Kommersant.ru, 13.3.2015)).

В русскоязычной прессе широко представлены отрицательно-оценочные неологизмы, возникшие позже на основании имени собственного Майдан: *майданутые, бандитский Майдан, дебиломайдан* (*В Москве с криками «майданутые» напали на участников оппозиционного пикета* (ТСН.ru, 7.6.2015); *По митингующим стреляли сами митингующие. Майданутые — сплошь западные наймиты* (Gazeta.ru, 14.3.2014),

Политика *бандитского Майдана* ведет общество к краху (Situation.ru, 25.5. 2015), А ранее Крым нам даже не светил никогда бы, если бы не *дебиломайдан!* (Forums.drom.ru, 1.8. 2015)). Приведенные производные с компонентом «Майдан» используются для обозначения не только политических событий, но и наименования группы лиц как носителей ценностей Майдана.

Особое место в системе наименований лиц занимает выражение *дети Майдана*. В проукраинских СМИ оно встречается в прямом значении — дети, принимавшие участие в событиях Майдана, в пророссийских — носители мышления, порожденного Майданом (*Дети Майдана: патриотические портреты маленьких украинцев* (News.bigmir.net, 17.7. 2014); *Вообще-то ничего особенно удивительного в реакции Запада на происходящее в Крыму нет. В украинском кризисе стратеги НАТО заодно с опекаемыми ими «детьми Майдана» делают одну глупость за другой; Цирк-шапито под названием «Дети Майдана»* (Fondsk.ru, 9.3. 2014); *В Киеве постреливают. Шалят дети майдана. Стрельба произошла на проспекте Победы в парке Нивки* (Moscow Every Day, 27.8. 2015).

События на Майдане породили и целый ряд отыменных глагольных образований со значением различных способов глагольного действия. В большинстве случаев такие производные содержат мощную прагматическую составляющую: *Мне их сейчас жалко, за что им такое наказание? Они если и были частично замайданены Майданом, то уже размайданились* (Littleone.ru, 11.4. 2014); *Не намайданились еще?* (Glagol.ru, 8.12. 2014); *Замайданились и забыли про газ* (Pravda.ru, 4.3. 2014); *Они вообще там окончательно обмайданились? Они с рождения майдауны* (24advokat.ru, 26.8. 2015); *Отмайданились, придурки. Пусть наслаждаются теперь плодами предыдущих майданов и скачут по подворотням. Вот нисколько не жалко* (Liveinternet.ru, 9.6. 2015); *А на кого была рассчитана эта дешевка о «страданиях» майданутых? Можно было придумать правдивей. Видаць мозги отмайданились* (Naviny.by, 27.2. 2014). Однако вскоре все участники майдана против майдана были отпущены за заслуги на майдане. Короче, *перемайданились* все (Topwar.ru, 28.3. 2014); Только это не отменяет того факта, что вы всем майданом *умайданились* (Pl2.org.by, 12.6. 2014).

Зафиксированы и дальнейшие компоненты морфосемантической парадигмы неологизма *майданить*: *Это для Кличко Майдан выполнил свою миссию, для народа все плохо, майданить* им теперь еще долго (Indog.ru, 13.10. 2015); *Разочаровались ли те, кто майданил, в результатах майдана...* (Kharkovforum.com, 24.9. 2015); *Наталья Щербина блогер, майданила в Киеве, поносила Россию и Путина* (Liveinternet.ru, 18.8. 2014); *Чем бы дите не тешилось, лишь бы не майданило* (Muzoborudovanie.ru, 28.7. 2015); *Протестовать готовы 28% украинцев. В 2004-м «майданило»*

18 % (Украина сегодня, 13. 10. 2015); Их относительно много *майданило*, а потом мирных граждан стали расстреливать (Vzгляд.ru, 12. 8. 2015), включая и пассивные формы: Два года назад *майданило* в Киеве, а Путин виноват (Zugunder.com, 13. 10. 2015) и даже новообразования-проклятия и злопожелания: А чтоб их *майданило* неотступно! (ВКонтакте.com, 23. 4. 2015); А Турчинову желаю новых и плодотворных майданов в наступившем году! *Майданить вам, не перемайданить!* (Politikus.ru, 10. 1. 2015).

Исследованные фрагменты языкового образа-концепта УКРАИНА свидетельствуют о крайне противоречивом его восприятии русскоязычным сообществом, что находит свое отражение как в информативных, так и эмоционально-экспрессивных языковых средствах, транслируемых проукраински и пророссийски ориентированными русскоязычными СМИ. Одни из них иллюстрируют факты семантического преобразования, чаще — семантического расширения смыслового и прагматического объема уже существующего в языке наименования, другие представляют собой оценочные неологизмы, возникшие в связи с появлением новых реалий украинского общества путем семантической деривации, суффиксации, сложения, контаминации и др. Имеют место факты морфосемантического расширения новых производных слов и выражений.

Сама же Украина предстает как раздираемая противоречиями страна, народ которой оказался по разную сторону баррикад и пока никак не может найти точек соприкосновения. Дальнейшим этапом исследования может стать построение целостной концептосферы языкового образа-концепта УКРАИНА, создаваемого русскоязычными и украиноязычными СМИ, а также изучение коммуникативных стратегий и тактик, применяемых авторами публицистических текстов с целью влияния на общественное сознание читателя и формирования общественного мнения.

[31]

Библиография:

- KARAULOV, Ju. (2001): *Jazyk SMI kak model' obščėnacional'nogo jazyka. Jazyk sredstv massovoj informacii kak ob"jekt meždisciplinarnogo issledovanija*. Moskva, s. 15–18.
- KRYSIN, L. P. (2008): *Tolkovyj slovar' inojazyčnych slov*. Moskva.
- KUDRJAVCEVA, L. (2004): *Živaja reč' — jazyk SMI — obščėliteraturnyj jazyk: aspekty vzaimodejstvija. Aktual'nyje problemy verbal'nyj kommunikacii: jazyk i obščėstvo*. Kijev, s. 61–65.
- LOBKOVA, Je. (2005): *Obraz-koncept „ljubov“ v russkoj jazykovoj kartine mira*. Omsk.

- NIKITINA, L. (2011): *Jazykovej obraz-koncept: o prirode složného termina*. Vestnik Čeljabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011. № 24 (239). Filologija. Iskusstvovedenije. Vyp. 57, s. 97–99.
- POPOVA, T. (2006): *Žanrovaja differenciacija, otbor jazykovych sredstv v publicistike: Rečevaja agresija i rečevaja manipulacija v SMI*. Russkij jazyk i kul'tura reči. Pod red. V. I. Maksimova i A. B. Golubevoj. Moskva.
- PIMENOVA, M. (2004): *Vvedenije v kognitivnuju lingvistiku*. Vyp. 4. Kemerovo.
- PIŠČAL'NIKOVA, V. (2003): *Integracija lingvističeskich disciplin kak ob'ektivnaja neobchodimost' razvitija sovremennogo jazykovedenija*. Jazykovoje bytije čeloveka i ètnosa: psiholingvističeskij i kognitivnyj aspekty. Vyp. 6. 2003, s. 3–16.
- PRISJAŽNJUK, T., NAZAROVA, S. (2012): *Diskurs pečatnych SMI vs. gazetno-publicističeskij stil'*. Izvestija Saratovskogo un-ta. Novaja serija. Serija Filologija. Žurnalistika. T. 12, vyp. 4, s. 106–109.
- STYŠOV, O. (2003): *Ukrajins'ka leksyka kincja XX stolittja (na materialì movy zasobiv masovoji informaciji)*. Kyjiv.
- SOLGANIK, G. (red.) (2012): *Jazyk SMI i politika*. Moskva.
- ŠEJGAL, Je. (2000): *Semiotika političeskogo diskursa*. Dis. d-ra filol. nauk. Volgograd.
- TACENKO, N. (2008): *„Koncept“ jak ključove ponjattja kohnityvnoji lindhvistyky*. Visnyk SumDU. Serija „Filolohija“, vyp. 1. 2008, s. 105–109.
- VOLODINA, M. (red.) (2008): *Jazyk sredstv massovoj informacii*. Moskva.